

СЪВЕРНЫЙ
ВЪСТНИКЪ

1898

№ 10-12

(Волжский)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Демакова, Новѣйш. пер., д. № 7.

Вкарѣ:

Указаніе по...

(Первое изд. из 1900

и 1910 г.)

Критика и библиография.

I.

Антонъ Чеховъ.

Человѣкъ въ фуглярѣ.—Крыжовникъ.—О любви.—Юнычъ.—Случай изъ практики.—
По дѣламъ службы.—Новая дача.

Я перечелъ нѣсколько разсказовъ Чехова, напечатанныхъ имъ за послѣдніе мѣсяцы. Какое яркое развитіе таланта! Онъ сталъ глубоко-мысленнымъ и, при своей меланхолической простотѣ, духовно-содержательнымъ. Каждый разсказъ занимаетъ всего нѣсколько страницъ. Это — наброски углемъ, гдѣ отчетливые контуры выступаютъ на дымно-сѣромъ полѣ. Какъ истинно-художественныя созданія, они требуютъ внимательнаго чтенія: останавливаясь на каждомъ штрихѣ, ощущая подъ нимъ глубокую, важную, некричащую правду. Описанія, сдѣланныя мимолетно, какъ бы невзначай, съ какой то толстовской незатѣйливостью, органически сливаются съ повѣствованіемъ — кажется, будто они окутываютъ людей и ихъ дѣйствія, какъ воздухъ, иногда ясный, иногда мглистый, иногда несущійся морозною вьюгой. Такихъ описаній нѣтъ ни у одного изъ новѣйшихъ русскихъ беллетристовъ. Вотъ когда Чеховъ окончательно вышелъ изъ «кустарнаго» искусства и сдѣлался настоящимъ крупнымъ явленіемъ. Коротенькіе разсказы его прочитываются въ нѣсколько минутъ, но овладѣваютъ мыслью и воображеніемъ на цѣлые часы. По своему значенію они совершенно заслоняютъ всѣ объемистые, многословные и претенціозно-наблюдательные романы разныхъ маститыхъ беллетристовъ современности. Эти романы похожи на бесконечно длинныя скирды сухой мертвой соломы, а маленькія поэтическія произведенія Чехова горятъ живымъ огнемъ. Сопоставивъ ихъ съ мертвой соломой маститой беллетристики, и отъ нея

остается только сѣрый пепелъ—словно ее подожгли спичкой. Отъ разска- зовъ Чехова, съ самымъ простымъ содержаніемъ, безъ всякой беллетри- стической интриги, струится какое то едва уловимое тонкое вѣяніе. Оно носится надъ разсказами, какъ душа ихъ—скорѣнная, чуткая, про- врѣвшая жизненную суету. Ничтожныя картинки повседневной жизни, отдѣльные моменты маленькихъ душевныхъ движеній пріобрѣтають какую- то многозначительность, потому что надъ ними простертъ легкій покровъ чистой вдохновенной мысли. Дочитываешь повѣствованіе съ грустнымъ, серьезнымъ настроеніемъ—кажешься самъ себѣ умаленнымъ, но безобидно умаленнымъ среди сѣрой правды человѣческой жизни, бездонной и безкрайной. Какое развитіе таланта въ глубину, какое быстрое расширеніе внутрен- няго писательскаго кругозора!

«Человѣкъ въ футлярѣ», «Крыжовникъ» и «О любви» не только свя- заны между собою единствомъ внутренняго настроенія, но какъ бы встав- лены въ одну рамку: разсказы ведутся отъ лица трехъ пріятелей, которые общаются въ дружеской бесѣдѣ своимъ житейскимъ опытомъ. Учитель гимназіи Буркинъ разсказываетъ свои воспоминанія о другомъ учителѣ, Бѣликовѣ. Это былъ странный человѣкъ, заглохшій въ одиночествѣ, съ забитою и какой-то напуганной душою. Онъ выходилъ на улицу не иначе, какъ въ калошахъ и съ зонтикомъ, вѣчно защищаясь отъ непо- годы. Онъ радъ былъ бы спрятаться въ глухой футляръ не только отъ вѣшнихъ стихій, но и отъ самой жизни. Все неожиданное, мало-мальски нарушающее шаблонъ привычнаго сѣраго существованія, приводило его въ трепетъ: онъ съживался, негодовалъ, недоумѣвалъ, предчувствуя какія то бѣды. Въ жизни его однако совершилось маленькое драматическое событіе: онъ умудрился влюбиться въ бойкую интеллигентную хохлушку и почти уже рѣшился сдѣлать ей предложеніе, какъ вдругъ братъ ея грубо спустил его съ лѣстницы. Несчастный Бѣликовъ скатился внизъ прямо къ ногамъ возвращавшейся домой хохлушки. Онъ не вынесъ этого потря- сенія и позора, слегъ въ постель и черезъ мѣсяцъ умеръ. «Хоронили его, — говоритъ Буркинъ, — мы всѣ, т. е. обѣ гимназіи и семинарія. Теперь, когда онъ лежалъ въ гробу, выраженіе у него было кроткое, пріятное, даже веселое, точно онъ былъ радъ, что, наконецъ, его поло- жили въ футляръ, изъ котораго онъ уже никогда не выйдетъ. Да, онъ достигъ своего идеала. И какъ бы въ честь его, во время похоронъ, была пасмурная, дождливая погода, и всѣ мы были въ калошахъ и съ зонтами». Таково содержаніе этого небольшого эскиза. Несмотря на то, что главныя черты его представляются нѣсколько надуманными и самый образъ человѣка въ футлярѣ сбивается на аллегорію, онъ производитъ глубокое впечатлѣніе. Можно сказать, что настроеніе автора—унылое, но вдумчивое—преобладаетъ здѣсь надъ художественною живописью. За нимъ все время слѣдишь и зара- жаешься имъ, потому что въ немъ есть глубокая лирическая правда. Всякая

человѣческая душа испытываетъ по временамъ горечь одиночества, оторванности отъ людей, почти вынужденной замкнутости, и вотъ почему даже этотъ ничтожный Бѣликовъ, трусливо послушный министерскимъ циркулярамъ, кажется намъ почти живымъ человѣкомъ. Чеховъ сумѣлъ пролить на эту уродливую, жалкую фигурку провинціального учителя мягкій гуманный свѣтъ. Въ жизни такихъ людей презирають и гадливо побаиваются—совершенно такъ же, какъ это представлено въ рассказѣ. Но вотъ художникъ съ тонкимъ чутьемъ подошелъ къ этому гаденькому человѣку и открылъ въ немъ, подъ мертвой корой формализма и рабства передъ начальствомъ, несчастную боязливую душу. Въ свѣтѣ искусства неизбежно выступаетъ психологическая правда, смягчая жесткость и рѣзкость обычнаго житейскаго суда однихъ людей надъ другими. Писателю не приходится подчеркивать свою либеральную тенденцію, свое отвращеніе къ жизни, управляемой канцеляріями, ко всему этому чиновническому холопству, которое, подъ предлогомъ исполненія какихъ-то гражданскихъ обязанностей, проникаетъ въ жизнь, мѣшая ей вольному теченію. Свободолюбіе художника видно изъ каждой черты его рассказа. Не напрягался, не щеголяя нигдѣ никакими задорными словечками, онъ даетъ намъ понять свою душу чисто художественными средствами: читатель чувствуетъ себя подавленнымъ сырымъ туманомъ и дождливыми облаками, которыя лѣниво ползутъ надъ дѣйствующими лицами,—ему хочется разорвать ихъ, чтобы увидѣть ясное небо и солнце. И вмѣстѣ съ тѣмъ читатель ощущаетъ въ рассказѣ тоскливое вѣяніе, идущее отъ самого автора, который тоже томится сѣрыми буднями россійской жизни, тоже хочетъ солнечнаго тепла и свѣта. Такъ искусство, правдивое и глубокомысленное, неусловными словами создаетъ въ душѣ то, чего не достигло бы никакое разсудочное воздѣйствіе на умъ и волю.

«Крыжовникъ» отдѣльными своими штрихами еще болѣе сгущаетъ тоскливые туманы души. Рѣчь идетъ о человѣкѣ, который долго мечталъ купить себѣ маленькую усадьбу—съ дорожками въ саду, цвѣтами, скворешней, карасями въ прудахъ и, главное, съ кустами крыжовника. И вотъ онъ, наконецъ, сталъ обладателемъ такой усадьбы и лѣниво засѣлъ въ ней тѣломъ и душой, выращивая крыжовникъ. Никакого другого содержанія, никакой фабулы нѣтъ въ этомъ очеркѣ, но глубокое отвращеніе автора къ праздной сытой животной жизни, хотя бы и на лонѣ природы, прорывается въ яркихъ тирадахъ рассказчика—можно сказать, даже въ ущербъ обычному художественно выдержанному повѣствованію Чехова. Въ отдѣльных фразахъ, краткихъ и сильныхъ, слышится умный протестъ противъ всякаго суживанія потребностей и запросовъ человѣческой души. «Принято говорить, что человѣку нужно только три аршина земли. Но вѣдь три аршина нужны трупу, а не человѣку... Человѣку нужно не три

аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободного духа». Какая прелесть и смѣлость выраженій, какой взрывъ вдохновенной воли! Говорятъ, что человѣку нужно только три аршина земли. Когда эти слова говоритъ Толстой, онъ открываетъ человѣку, своимъ суровымъ отрицаніемъ всѣхъ земныхъ благъ, его высшее духовное призваніе: человѣку не нужна земля, потому что ему нужно только небо. Чеховъ говоритъ, что человѣку нуженъ весь земной шаръ, вся природа, весь просторъ видимаго свѣта, и эти слова тоже—другимъ путемъ—ведутъ человѣка отъ всякихъ тѣнныхъ сокровищъ къ полному раскрытію духа. Какъ бы возражая Толстому, Чеховъ невольно вступаетъ въ область тѣхъ же высшихъ, надземныхъ настроеній. Одно осторожное прозаическое слово, рисуящее перспективы возможнаго, совершенно разбило бы очарованіе его своеобразнаго протеста. Скажи онъ, что человѣку нужно *много* земли, приведенная тирада приобрѣла бы обычный характеръ политико-экономическаго благомыслія. Но художникъ высоко поднялся надъ тривіальностями ординарнаго мышленія и однимъ взмахомъ кисти отразилъ почти фантастическій полетъ души, ту почти безумную неумѣренность ея требованій, которая таитъ въ себѣ высшую правду. Не мало и не много земли нужно человѣку,—ему нуженъ весь міръ, и даже весь міръ малъ ему, ибо, по существу своему, онъ только странникъ въ этомъ видимомъ мірѣ, странникъ, который ищетъ путей, ведущихъ въ иной, высшій, безбрежный міръ. Опять таки можно сказать, что афоризмы истиннаго художника, даже когда они высказаны по поводу надобностей практической жизни, заключаютъ въ себѣ больше смысла, больше двигательныхъ импульсовъ, чѣмъ всякія разсудочныя размышленія.

И тутъ же, вслѣдъ за этой безподобной тирадой, новый взрывъ чело-вѣчнаго протеста противъ той беззаботной внѣшней тишины, которая застигаетъ внутреннее страданіе людей, противъ той подленькой терпѣливости, которая заставляетъ говорить, что все должно переустроиться само собою, безъ скачковъ, постепенно. «Надо, чтобы за дверью каждаго довольнаго, счастливаго человѣка стоялъ кто нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные». Этотъ образъ человѣка, разсѣивающаго «молоточкомъ» суетныя иллюзіи, вносить въ публицистическій по содержанію монологъ тревожный свѣтъ обличительной мудрости. Первоначальная мысль переходитъ у художника въ настроеніе болѣе сложное, болѣе возвышенное. А душевное нетерпѣніе при видѣ медленно плетущагося прогресса раздражается восклицаніями, которыя звучатъ, какъ призывъ къ подвигу. «Вы ссылаетесь на естественный порядокъ вещей, на законность явленій, но есть-ли порядокъ и законность въ томъ, что я, живой, мыслящій человѣкъ, стою надъ рвомъ и жду, когда онъ заростетъ самъ или затянетъ

его иломъ въ то время какъ, быть можетъ, я могъ бы перескочить черезъ него или построить черезъ него мостъ? И опять таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нѣтъ силъ жить, а между тѣмъ жить нужно и хочется жить!» Перескочить черезъ ровъ—таково яркое образное выраженіе смѣлой освободительной мысли. Маленькій эскизъ чуть замѣтными чертами, простенькій набросокъ изъ безпросвѣтно сѣрой жизни,—а надъ нимъ витаетъ живая душа автора, скорбящая, непримиримая, негодующая.

Третій собесѣдникъ, Алехинъ, совершенно опустившійся помѣщикъ, а нѣкогда идейно настроенный человѣкъ, рассказываетъ исторію своей любви. Онъ любилъ и былъ любимъ, но, сохраняя условную корректность, онъ не хотѣлъ разстраивать чужую семейную жизнь. Онъ былъ благороденъ. Между нимъ и ею, было, какъ бы, стекло: они постоянно встрѣчались, можно сказать, жили въ атмосферѣ общихъ интересовъ, и пока стекло было ясно, смотрѣли въ душу другъ другу. Но съ теченіемъ времени это стекло,—тонкая ограда дружеской неприкосновенности, ломающаяся при любви,—стало тускнѣть, затуманиваться отъ горячаго стѣсненнаго дыханія взаимно и бессознательно недовольныхъ людей. Пришелъ моментъ, и они должны были разлучиться. Она навсегда покидала городъ, въ которомъ жилъ Алехинъ. «Когда она уже простилась съ мужемъ и дѣтьми и до третьяго звонка оставалось одно мгновеніе, я вбѣжалъ къ ней въ купе, чтобы положить на полку одну изъ ея корзинокъ, которую она едва не забыла. И нужно было проститься... Когда тутъ въ купе взгляды наши встрѣтились, душевные силы оставили насъ обоихъ. Я обнялъ ее, она прижалась лицомъ къ моей груди, и слезы потекли изъ глазъ. Цѣлуя ее лицо, плечи, руки, мокрыя отъ слезъ—о, какъ мы были съ ней несчастны!—я признался ей въ своей любви и со жгучей болью въ сердцѣ я понялъ, какъ не нужно, мелко и обманчиво было все то, что намъ мѣшало любить. Я понялъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить съ высшаго, болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель, въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе». Вотъ заключеніе этого крошечнаго романа, написаннаго съ очаровательной простотой. И стройная бѣлокурая женщина съ милыми ласковыми глазами, и романтическія отношенія сквозь тонкое стекло, и разныя трогательныя подробности, и самъ Алехинъ, молодой, чистый, сдержанный—въ 8-ми страницахъ чудесная художественная ткань, какую вы напрасно стали бы искать у маститыхъ романистовъ бурно-пламеннаго или сангвинически-наблюдательнаго характера. При этомъ, можетъ быть, незамѣтно для талантливаго автора, въ крошечномъ романѣ воплотилась какая то цѣломудренная правда. Алехинъ заднимъ числомъ бичуетъ собственное самоотреченіе, но есть великіе секреты искусства: оно непреднамеренно достигаетъ полноты художественно-нравственнаго очарованія. Авторъ захватилъ въ своей маленькой исторіи одну изъ рѣд-

костныхъ сторонъ жизни, которая обыкновенно идетъ другими путями, и въ томъ, какъ онъ ее представилъ, есть какая то тихая, грустная, ничѣмъ незамѣнимая поэзія.

Вотъ и вся маленькая трилогія, которая начинается изображеніемъ «человѣка въ футлярѣ» и кончается изображеніемъ людей, разъединенныхъ стекломъ. Грусть стелется сумеречнымъ туманомъ надъ плоскими равнинами русской жизни. Сколько нужно искренняго таланта, живого воображенія, чтобы писать сѣрыми красками по сѣрому фону такъ, какъ пишетъ Чеховъ. Ни одной крикливой ноты, ни одного банальнаго штриха. Несмотря на нѣкоторую старомодность повѣствовательной структуры и отсутствіе привлекающихъ вниманіе новѣйшихъ красокъ, въ гораздо большей степени принадлежатъ современной волнѣ идейныхъ настроеній, чѣмъ разныя тенденціозныя писанія съ намѣреніемъ пріобщиться къ этой волнѣ. Этотъ серьезный талантъ тихо и скромно откапываетъ какіе то нетронутые уголки и двигается, подвигая впередъ и русскую литературу. Читая Чехова, чувствуешь себя на лонѣ настоящаго искусства.

Остальные рассказы Чехова разбросаны по разнымъ журналамъ и ничѣмъ между собою не связаны.

«Случай изъ практики» — вещь недодѣланная, мѣстами смутная, какъ сонъ и, тѣмъ не менѣе, преисполненная благодатныхъ для искусства настроеній. Въ рассказѣ не идетъ рѣчь ни о какомъ драматическомъ случаѣ, а дѣйствующія лица движутся какъ-то особенно тихо, словно тѣни. Богатая дѣвушка, владѣлица миллионныхъ загородныхъ фабрикъ, лежитъ больная, и окружающіе не понимаютъ, что съ нею. Глаза ея на некрасивомъ лицѣ, съ крупною нижнею челюстью, свѣтятся умною грустью. Вызванный изъ Москвы докторъ легко постигаетъ чисто психическую причину ея болѣзни, ея вѣчныхъ безсонницъ среди монотоннаго шума и грохота фабрики. Душа ея ноетъ и стонетъ подъ тяжестью этихъ противочеловѣческихъ богатствъ. Сердце ея коченѣетъ въ бездѣльномъ одиночествѣ. Ей нужно было бы порвать съ этой жизнью, бросить всѣ свои богатства — тогда она воскреснетъ. Этими словами докторъ уже вноситъ въ ея душу цѣлительный лучъ, который, быть можетъ, вызываетъ въ ней новое броженіе ея внутреннихъ силъ. Къ утру ей становится легче, и она выходитъ на крыльцо проводить доктора — немного обновленная. Было воскресенье, и «Лиза была по праздничному въ бѣломъ платьѣ съ цвѣткомъ въ волосахъ, блѣдная, томная. Она смотрѣла на него, какъ вчера, грустно и умно, улыбалась, говорила и все съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣла ему сказать что-то особенно важное — только ему одному». А докторъ, удаляясь въ экипажѣ отъ этихъ тяжелыхъ каменныхъ громадъ, думалъ о томъ времени, когда жизнь станетъ для всѣхъ свободной и отрадной, «какъ это тихое воскресное утро». Можно сказать, что весь

разсказъ,—съ его ночнымъ мракомъ, съ жутко свѣтящимися фабричными окнами и расплывающимися кошмарами богатой молодой дѣвушки,—проникнуть скрытою мечтою о какомъ то воскресномъ утрѣ, о какомъ то новомъ возрожденіи или, вѣрнѣе сказать, о духовномъ перерожденіи людей. Художественная сторона разсказа не отличается особенно выдающимися достоинствами, но его настроеніе таитъ въ себѣ элементы богатаго творческаго процесса. Воскресное утро — какой живой символъ, вылившійся изъ встревоженной души чуткаго современнаго человѣка.

«Іонычъ» — разсказъ, проникнутый тонкимъ внутреннимъ юморомъ. Фонъ и дѣйствующія на этомъ фонѣ лица — настоящая русская дѣйствительность. Эти люди — неудачные диллетанты искусства, воображающіе себя непризнанными талантами, разные добродушные домашніе комедіанты и комики, опускающійся, полняющій, жирѣющій докторъ — типично русскіе люди. И медленный, вялый темпъ ихъ жизни тоже характеренъ для Россіи. Іонычъ — это и есть жирѣющій докторъ, пережившій легкій неудачный романъ безъ всякаго ущерба и безъ всякаго значенія для души, а затѣмъ удачно практикующій и наживающій большое состояніе. «У него въ городѣ громадная практика, некогда вздохнуть, и ужъ есть имѣніе и два дома въ городѣ и онъ облюбовываетъ себѣ еще третій, по-выгоднѣе, и когда ему въ Обществѣ Взаимнаго Кредита говорятъ про какой нибудь домъ, назначенный къ торгамъ, то онъ безъ церемоніи идетъ въ этотъ домъ и, проходя черезъ всѣ комнаты, не обращая вниманія на неодѣтыхъ женщинъ и дѣтей, которыя глядятъ на него съ изумленіемъ и страхомъ, тычетъ во всѣ двери палкою и говоритъ: — Это кабинетъ? Это спальня? А тутъ что? — и при этомъ тяжело дышитъ и вытираетъ со лба потъ». Эти строки совершенно безподобны по точности и тонкости юмористической живописи. Видишь этого человѣка, оплывшаго жиромъ до полной нечувствительности къ чужой интимной жизни, до полной потери нравственной деликатности. Настроеніе разсказа — удушливое, гнетущее, хотя авторъ на этотъ разъ не даетъ воли никакимъ личнымъ изліяніямъ.

«По дѣламъ службы» — одна изъ самыхъ яркихъ вещей въ этомъ циклѣ разсказовъ Чехова. Старикъ сотскій, вѣчный безропотный странникъ изъ одного конца волости въ другой, глухая, замеченная снѣгомъ деревушка, напуганная самоубійствомъ страхового агента, хмураго неудачника-дворянина, неистовая вьюга, воющая въ трубахъ и на чердакахъ, прерывающая сообщеніе между деревнями, бессильная болтовня разныхъ интеллигентныхъ дѣятелей деревни — все это представлено въ изумительныхъ по силѣ художественныхъ образахъ. Описаніе ночного переѣзда по замеченной вьюгою дорогѣ достойно Толстого: неожиданные, смѣлые описанія, цѣлый вихрь тонкихъ деталей, схваченныхъ художникомъ въ поэтическомъ полетѣ и, въ отличіе отъ Толстаго, легкость и бѣглость

стиля, безъ его подъёмовъ и проваловъ. Чудесное описаніе, единственное въ своемъ родѣ въ молодой русской литературѣ. Разсказъ проникнутъ философій русской дѣйствительности въ проявленіяхъ ея сѣраго, массоваго, безвѣстнаго труда, въ едва уловимыхъ законахъ ея долготерпѣливаго и многострадальнаго существованія. То, что поверхностнымъ интеллигентнымъ людямъ, пріѣзжающимъ въ деревню по дѣламъ службы, кажется отрывочнымъ и случайнымъ, осмыслено художникомъ, какъ нѣчто единое и цѣльное. На этой безпредѣльной равнинѣ, скованной морозомъ, занесенной снѣжными сугробами, все слито невидимыми внутренними причинами и томится общими настроеніями, общей тоской о ясномъ небѣ и солнцѣ. Несмотря на отдѣльные, разсудочно-аллегорическіе штрихи, «По дѣламъ службы»—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній Чехова.

«Новая дача» по манерѣ повѣствованія—вещь строго художественная. Тема разсказа—соприкосновеніе двухъ міровъ, крестьянскаго и интеллигентнаго, соприкосновеніе, которое кончается полнымъ разладомъ. Дѣйствующія лица выписаны съ необычайной твердостью, хотя разсказъ занимаетъ всего одинъ газетный фельетонъ и въ своемъ содержаніи лишенъ, такъ сказать, центральной оси. Безъ сантиментальнаго народолюбія, съ простою сердечностью, Чеховъ слѣдитъ за жизнью деревни, и вся художественная картина озаряется у него свѣтомъ глубокаго внутреннего сочувствія. Видно, что писатель хорошо знаетъ и понимаетъ народную душу и жизнь, улавливаетъ воздѣйствія на нее разныхъ внѣшнихъ умственныхъ и социальныхъ силъ и разбирается въ сложныхъ вопросахъ современнаго народного быта съ тонкой осторожностью и проницательностью. Кузнецъ Родіонъ Петровъ и жена его Степанида, безбородые съ рожденія отецъ и сынъ Лычковы, высокій худой старикъ Козовъ съ длинной узкой бородой и палочкой крючкомъ, Володька—сынъ кузнеца Родіона и жена его Лукерья, молодая некрасивая баба съ глазами на выкатѣ—все это поразительно живые лица. Нельзя тоньше, чище и увѣреннѣе рисовать людей съ различными индивидуальными физиономіями. Это цѣлый міръ характеровъ, привычекъ и идей. Вся деревня, прилегающая къ Новой дачѣ,—усадьбѣ инженера Кучерова,—ощущается въ ея тревоженіяхъ и броженіяхъ. Читатель понимаетъ, что Новая дача, гдѣ по вечерамъ жгли бенгальскіе огни и ракеты, откуда господа выѣзжали кататься въ коляскѣ съ желтыми колесами или въ экипажѣ, запряженномъ бѣленькими пони, а то и на лодкѣ съ парусами и красными фонариками,—должна была возбуждать въ деревнѣ непріязненное недоумѣніе и оставить воспоминаніе какого-то сна или сказки. Добрые и либерально-мыслящіе господа хотѣли сойтись съ крестьянами, помочь имъ, но у нихъ не хватило для этого ни душевнаго чутія, ни терпѣнія. Сойтись съ народомъ оказывается не такимъ простымъ дѣломъ, и мудрый мужикъ, кузнецъ Родіонъ, объясняетъ женѣ Кучерова всю его трудность въ слѣдую-

щихъ неподобныхъ словахъ: «Ты ничего... потерпи годика два. И школу можно, и дороги можно, а только не сразу... Хочешь, скажемъ къ примѣру, посѣять на этомъ бугрѣ хлѣбъ, такъ сначала выкорчуй, выбери камни всѣ, да потомъ вспаши, ходи да ходи... И съ народомъ, значить, такъ... Ходи да ходи, пока не осмишишь». Надо прежде всего внутренне сжиться съ народомъ, выкорчевать всѣ недоразумѣнія и нелѣпости, крѣпко заставшія въ народномъ умѣ и мѣшающія ему развиваться и довѣрчиво подходить къ людямъ иной культуры. Только тогда можно найти пути для сближенія столь различныхъ силъ. Несмотря на описанныя въ разсказѣ будничныя драмы деревенской жизни, ссоры и драки, онъ проникнутъ какой то отрадной многотумной тишиной, которая придаетъ ему характеръ эпического повѣствованія. А среди этой тишины, словно издалека, доносится широкая, тоскливая народная пѣсня—звучитъ и замираетъ надъ безконечными равнинами.

Все глубже и шире развивается свѣжій талантъ Чехова.

II.

М. Горькій. Очерки и разсказы. СПб. 1898.

Въ какіе нибудь три-четыре года М. Горькій приобрѣлъ себѣ большую и вполне заслуженную извѣстность. Его яркій литературный талантъ и новизна изображаемыхъ типовъ сразу захватили и увлекли читателей. Не распространяясь пока о талантѣ, въ которомъ есть своеобразная могучесть, но есть и неровности, нельзя не сказать прежде всего, что Горькому, въ самомъ дѣлѣ, удалось ввести въ литературу образъ вольнаго смѣлаго босняка и даже создать ему апофеозъ. Человѣкъ, выброшенный условіями жизни изъ общества, съ его перенумерованными клѣтками и устойчивыми социальными перегородками, въ прежней либерально-буржуазной беллетристикѣ представлялся какимъ то забитымъ пролетаріемъ, который, въ лучшемъ случаѣ, тайлъ протестъ въ душѣ, помогаясь овладѣть, путемъ борьбы, своими социальными правами. Типа человека голоднаго, нищаго, но гордаго своей полной независимостью, преисполненнаго какой то міровой, всечеловѣческой поэзіи—такого типа не было до сихъ поръ въ литературѣ. Поэзія босяцкой вольности въ лицѣ Горькаго впервые нашла себѣ проникновеннаго пѣвца.

Въ самомъ дѣлѣ, босякъ въ произведеніяхъ Горькаго, несмотря на нѣкоторый налетъ новѣйшей сверхъ-человѣческой философіи, представляется живымъ человекомъ. Авторъ знаетъ этого человека до глубины, жить съ нимъ одною жизнью, вдохновенно бродить съ нимъ вмѣстѣ по широкимъ степямъ и морскимъ побережьямъ—повсюду, гдѣ есть земля, небо и воздухъ, не насыщенный міазмами классовыхъ интересовъ и угасяемой классовой борьбы. Самый стиль его разсказовъ какой-то бесцвѣтный:

А. Волынский